

Б. А. УСПЕНСКИЙ

ПЕРВАЯ ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ
(Неизвестная русская грамматика 30-х годов XVIII в.)

1. Хорошо известно, что грамматические описания русского — а не книжного церковнославянского — языка появились сравнительно недавно. Наибольшей известностью среди них пользуется, несомненно, «Российская грамматика» М. В. Ломоносова (СПб., 1755; фактически вышла в свет в 1757 г.). Доломоносовских грамматик русского языка вообще очень мало, причем все известные до сих пор грамматики написаны на иностранных языках, т. е. предназначены для иноязычного читателя, практически заинтересованного в описании именно живой разговорной речи, а не книжных языковых норм. Сюда относятся следующие сочинения: а) грамматика Г. В. Лудольфа 1696 г. — на латинском языке; б) очень фрагментарный очерк И. С. Горлицкого 1730 г. — на французском языке; в) краткая грамматика В. Е. Адодурова 1731 г. — на немецком языке и, наконец, г) грамматика М. Грëнинга 1750 г., на шведском языке — наиболее обстоятельная из перечисленных¹. Очевидно, между тем, то принципиальное значение, которое имеет появление грамматического описания, составленного непосредственно на русском языке: появление грамматики на родном языке знаменует кодификацию норм живой речи и представляет собой тем самым кардинальный этап в истории литературного языка.

Первой грамматикой такого рода принято считать грамматику Ломоносова. Это мнение в известной мере поддерживается заявлением самого Ломоносова, который и сам считал, по-видимому, свою грамматику первой. В черновых набросках предисловия к «Российской грамматике» Ломоносов писал: «Сию грамматику не выдаю я за полную, но только опытъ, ибо еще никакой нѣтъ, кромѣ славенской [имеется в виду грамматика Мелетия Смотрицкого. — Б. У.] и малинькой въ лексиконѣ [имеется в виду грамматика Адодурова 1731 г. — Б. У.], весьма несовершенной и во многих мѣстахъ неисправной» (на месте последнего слова первоначально стояло: «несправедливой»). И в другом месте того же черновика читаем: «Меня хотя другіе мои главныя дѣла воспящаютъ отъ словесныхъ наукъ, однако видя, что ни хто не принимаетъ, а многіе того ...» (фраза не окончена)².

¹ См. подробное описание названных сочинений: В. О. Unbegaun, *Russian grammars before Lomonosov*, «Oxford Slavonic papers», VIII, 1958; В. П. Вомперский, Неизвестная грамматика русского языка И. С. Горлицкого 1730 г., ВЯ, 1969, 3. Вопреки иногда высказывающемуся мнению, нет оснований причислять к описаниям русского языка ни «Граматику славенскую» Ф. Максимова (СПб., 1723), ни «Ръководѣніе въ грамматыкъ ...» И. Кошневича (Штольценберг, 1706).

² См. изд.: М. В. Ломоносов, *Поли. собр. соч.*, VII, М. — Л., 1952, стр. 689—691. Необходимо заметить, что несмотря на критический отзыв об адодуровской грамматике 1731 г., Ломоносов во многом использовал это сочинение, тщательно его изучая и даже конспектируя отдельные места. См.: В. Н. Макаева, *История создания «Российской грамматики» М. В. Ломоносова*, М. — Л., 1961, стр. 66, 72, 74, 90, 93, 115, 192.

Представляется возможным утверждать, что это мнение не соответствует действительности: у Ломоносова были предшественники. Грамматическое описание на родном языке было составлено более чем за пятнадцать лет до появления грамматики Ломоносова. Вместе с тем, обнаружение этого описания, как это ни парадоксально, не увеличивает списка доломоносовских грамматик — в силу того обстоятельства, что одна из перечисленных выше иноязычных грамматик русского языка неожиданно предстает как перевод этой неизвестной доселе русской грамматики.

2. В отделе рукописей Библиотеки Академии наук под шифром 16.7.3 хранится анонимное грамматическое сочинение, писанное (разными почерками) скорописью, по большей части довольно небрежной³. На первом листе рукописи значится надпись: «Сія кнѣга Ивана Сердюкова. 1738 Года»; запись эта, конечно, владельческая, но она очень важна для раскрытия обстоятельств, связанных с созданием данного сочинения. Что касается владельца рукописи, то, вне всякого сомнения, это Иван Михайлович Сердюков, инженерный деятель середины XVIII в. (ум. 1761 г.). Важно отметить, что во время написания рукописи И. М. Сердюков являлся учеником при академической гимназии, куда он поступил 4 X 1735 г. и где числился во всяком случае еще в 1739 г.⁴

На полях рукописи неоднократно встречаются записи, свидетельствующие о временном прекращении и возобновлении письма; эти записи в ряде случаев помечены более поздними датами. Так, на стр. 38 читаем: «зачалъ по каникула^x 17го дня августъ»; на стр. 111 — «14го зач^a оня^t писа^t»⁵; на стр. 112, 116, 117, 120, 124, 127, 129, 130 помечены разные числа марта и мая 1739 г. Наконец, на последней — 134-й — стр. в конце текста на полях стоит дата: «6 Junii» (очевидно, того же 1739 г.). Итак, 1738 г., помеченный на первом листе, обозначает, по-видимому, начальную дату написания рукописи: процесс написания продолжался в общей сложности до июня 1739 г.

По всей видимости, рукопись воспроизводит уже готовый оригинал. На это указывает, между прочим, и то обстоятельство, что в двух случаях имеется пропуск текста (мы можем судить о нем по проставленной нумерации параграфов), для которого писавший оставляет пустые страницы (имея в виду, вероятно, позднее вписать соответствующий текст): так, на стр. 81—110 оставлено место для пропущенных §§ 74—101, а на стр. 118—119 — для § 106 (при этом каждый раз после пропущенных страниц имеется запись писца с календарной датой)⁶.

Уже из сказанного видно, что интересующая нас грамматика представлена в рукописи не полностью. Если, с одной стороны, можно констати-

³ Единственное известное нам упоминание о данной рукописи содержится в письме Р. О. Якобсона к Д. Н. Ушакову (без даты), сохранившемся в архиве Г. О. Винокура (ЦГАЛИ ф. 2164, оп. 1, ед. хр. 372); здесь же представлены и некоторые выписки, а сама рукопись характеризуется как «очень ценная». Итак, описываемая рукопись была известна (прямо или косвенно) трем выдающимся русистам, но тем не менее осталась неисследованной.

⁴ См.: «Материалы для истории имп. Академии наук», СПб., 1885—1900 [далее — Материалы АН], III, стр. 177, 262; IV, стр. 160, 265, 268.

⁵ См. также неясную запись на полях стр. 78, кажется, аналогичного содержания, а также какую-то календарную помету на полях стр. 113.

⁶ Текст вообще содержится на с т р а н и ц а х 1—81, 111—117, 120—134 по пагинации, проставленной чернилами (тем же почерком, что и текст), что соответствует листам 6—46, 61—64, 65 об.—72 об. по карандашной фоллиации. В дальнейшем мы ссылаемся исключительно на обозначение страниц. (В рукописи, кроме того, имеются еще буквенные сигнатуры, обозначающие порядок тетрадей, из которых спита книга; соответствующие обозначения встречаются через каждые 8 страниц.)

ровать отдельные лакуны текста, то, с другой стороны, грамматика явно не окончена. Перед нами, собственно, только первая часть грамматики русского языка, посвященная вопросам орфографии и отчасти фонетики — «Часть первая о Орфографіи», которой предпослано краткое введение, озаглавленное «О Грамматікѣ во обще». Уже само обозначение данной части грамматики предполагает продолжение; и, действительно, в тексте данной рукописи несколько раз (см. стр. 21, 50, 67, 71, 72) встречается ссылка на другую часть грамматики (в одном случае она прямо и называется «второй частью», см. стр. 50), где содержится описание морфологии. Более того, в упомянутом вводном рассуждении «О Грамматікѣ во обще» вслед за определением грамматики представлен план всей грамматики в целом (стр. 1): «Грамматіка есть такая наука, которая обыкновенную члвчскую рѣчь приводить въ обыкновенныя правила. Но понеже члвчская рѣчь состоитъ изъ разныхъ словъ, которыми другъ другу мысли свои иъъявляетъ, а всякое слово содержитъ въ себѣ одинъ или нѣсколко слоговъ, такъ какъ и слоги иѣ оной или многихъ літеръ составляютъ то надлежитъ въ Грамматікѣ перво рассу^дать о літерахъ, ихъ ра^дѣленіи и употребленіи, потомъ о словахъ, особливо о ихъ Главныхъ свойствахъ, о различіи между собою, послѣ о словахъ соединенныхъ, то есть о цѣлой рѣчи, а на послѣдокъ какъ всякое въ рѣчи положенное слово правильно выговариватъ».

Итак, перед нами отрывок не дошедшего до нас в полном виде сочинения.

Уже первое знакомство с данной рукописью не оставляет сомнения в том, что дело идет о грамматике именно русского языка — совершенно оригинальной и во многом революционной. Достаточно отметить хотя бы необычайно смелое по тому времени предложение упразднить буквы ер в русской орфографии — предложение, почти на двести лет опередившее его практическую реализацию! — см. §§ 4, 15, стр. 4, 7—10; четкое провозглашение фонетического принципа в орфографии — см. § 23, особенно пункт VI, § 24, стр. 12—17, ср. еще § 4, стр. 3—4, § 15, стр. 7—10, § 54, стр. 40—41, § 61, стр. 59—60; довольно последовательное различение звука («глас») и буквы («литера»), о чем говорится в § 3, стр. 3⁷; и т. п.

Эта грамматика характеризуется вообще отчетливым противопоставлением церковнославянских и русских форм [см., например, рассуждение о соотношении местоименных форм *сей* — *этот* (§ 49, на полях стр. 36), *ю* — *я* (§ 66, стр. 71); или противопоставление глагольных форм с приставками *воз-*, *пре-* и соответствующих форм с *вз-*, *пере-* (§ 110, стр. 124), ср. также соотнесение глаголов с приставкой *из-* и глаголов с приставкой *вы-* в § 61, стр. 62] — и явной ориентацией на собственно русскую языковую стихию. Весьма показательна в этой связи ссылка на «нынешнее (герр.: обыкновенное, общее) употребление», которую неоднократно встречаем в тексте (см., в частности, стр. 124, 130, 15, 16, 44, ср. также стр. 19, 59).

3. Итак, перед нами начало первой грамматики русского языка на родном языке. Но ближайшее рассмотрение данного сочинения приводит к еще более неожиданному выводу: оказывается, наша грамматика дословно совпадает с одной из известных науке иноязычных доломоновских грамматик русского языка — а именно, с упоминавшейся выше грамматикой Михаила Грёнинга, изданной в Стокгольме в 1750 г.⁸ Иначе говоря, грамматика Грёнинга оказывается не оригинальным сочинением, как это до сих пор считалось, а переводом на шведский язык

⁷ Замечательно, что автор грамматики может различать графически звук *э* и букву *е* (например, на стр. 46, 50); иначе говоря, здесь могут наблюдаться элементы транскрипции.

⁸ Michael Groening, *Russisk grammatik. Thet är Grammatica Russica eller Grundelig Handlingning til Ryska Språket...*, Stockholm, 1750.

Om
GRAMMATICAN
i Sæmen.

§ 1.

Grammatican är en Konst et lärda et tal efter wis-
sa Regler och af någk Skrifwe.

2. Om som et tal består af bestilte ord, genom hvilka
man förstått som under uttrycker: samt hwar och et
ord innehåller en eller något beskrifver: beskrifwerne äro
en eller flera: Grammaticans bestilhet: Så sige man först
i Grammatican hwarde bestilheterna, thena inledning och
hwarde beskrifverne sedan, och beskrifwerne thena hwarde
ordstämmer och hwarde af meningen; sedan the fleste ordet,
the de, et tal tal, och ändeligen hwar hwarde ord uti et tal
the beskrifwerne innehål morda.

3. Om som i Grammaticans inledning i thes wis-
sa sige, nemligen Orthographien, Nomenclogien, Syn-
taxin och Proledian, och hwarde.

§ 2. 4. End

Рис. 2. Тот же текст в шведском переводе (в изд. M. Groening. Российская грамматика. Thet ar Grammatica Russica.., Stockholm, 1750, стр. 1).

(стр. 4). Это б у к в а л ь н о повторяет Гренинг в соответствующем параграфе, хотя очевидно, что у него под рукой были более близкие примеры произношения взрывного [g], чем мало что говорящая шведскому читателю ссылка на фонетику польского языка: достаточно было бы сослаться на родной язык Гренинга. Ср. здесь: «... bokstafwen r, som ar i sitt uttal lika med et Latinskt eller Palskt g, thet ar, then äger en medelton emellan Ryska bogstafwerne g och k ...» (стр. 5).

Еще пример такого же рода. В § 57 (см. стр. 55 русского текста) обсуждение необходимости различать между *e* и *ê* заканчивается следующим выводом: от их смешения произойдет непреодолимая трудность не только для иностранцев, но и для природных русских, почему «имбе^м мы бо^лшею причину оста^тса при пре^жне^м употреблений си^х ли^тер^н». Гренинг дословно повторяет этот вывод («... hafwe wi stögre orsak, at blifwa wid these bokstafwers förra bruk», стр. 29) — не замечая того, что вывод этот, вполне уместный, если исходит от русского, звучит по меньшей мере странно в устах иностранца, от которого, к тому же, никак не зависят возможные реформы русской орфографии.

Аналогично в § 58 (стр. 55—57) русской грамматики идет речь о том, что различение в произношении гласных *ы* и *и* представляет значительную

трудность для иностранцев, «пото^{му} что недостае^т имъ въ свое^м языкѣ онаго гласа которой наше^{му} ѡ свойстве^{нно} приличенъ», тогда как русские легко могут различать пары типа *был* и *бил*, *сыр* и *сир*, *сыт* и *сит*: «мы с^ю рад^юстью очень легко познаваемъ, мы ясно слыши^м что літерою ѡ изображае^т-ся гласъ посредстве^{нный} между літера^{ми} *у* и *и* ...». В соответствующем параграфе грамматики Грѣнинга (стр. 30) на месте последней фразы читаем: «Man kan thenna åtskillnaden [имеется в виду различие между приведенными словами. — Б.У.] mycket lätt begripa, när man gifwer ackt på uttalet; ty wi höre tydeligen, at bokstafwen ѡ uttrycker en medelton emellan bokstafwerne *u* och *i*». Грѣнинг буквально перевел слово «мы», которое в оригинале относится, конечно, к носителям языка, т. е. к русским, в одном случае безличным «man», а в другом — местоимением «wi»: в результате цитированная фраза в грамматике Грѣнинга прямо противоречит тому, что было сказано непосредственно раньше.

Кажется, уже и независимое рассмотрение подобных мест в стокгольмской грамматике могло бы привести к выводу о том, что в ее основе лежит какой-то русский источник¹¹.

Соответственно можно предположить, что и те — немногие — разночтения, которые обнаруживаются в стокгольмской грамматике по сравнению с имеющимся в нашем распоряжении русским текстом, объясняются скорее всего не инициативой Грѣнинга (ее, кажется, не было вовсе), а тем, что в его руках был д р у г о й с п и с о к грамматики; что наша грамматика могла вообще расходиться в списках, об этом свидетельствует определенным образом уже и описанная выше рукопись. Наиболее разительный пример такого отличия находим в § 8, где в русском источнике указывается, что в русском языке 9 гласных (причем имеются в виду б у к в ы): *а, е, и, ѣ, о, у, ѡ, э, ѳ*; тогда как в шведском тексте указано 6 гласных (причем явно имеются в виду з в у к и, хотя и говорится о гласных буквах — «sielfljudande b o k s t a f w e r»): *а, э, и или ѣ, о, у, ѡ*. В других случаях речь идет о небольших вставках, которые имеем в издании Грѣнинга по сравнению с нашей рукописью, причем в ряде случаев эти вставки повторяют содержание других параграфов: такие вставки находим в § 5 (причем соответствующий текст в большой степени повторяет содержание § 4, ср. еще § 72), в § 8 (данный текст отчасти соответствует содержанию §§ 12, 49, 55), а также в §§ 7 и 15. Вместе с тем в шведском издании отсутствуют отдельные фразы, имеющиеся в русском списке, именно в § 107 (определение слова) и в § 103 (фраза о выносных буквах *с* и *г* при написании под титлой); наконец, если первая часть грамматики Грѣнинга оканчивается § 114, то русский текст оканчивается § 118, т. е. у Грѣнинга пропущены §§ 115—118, где речь идет о знаках препинания.

Особенно показательно в связи с интерпретацией подобного рода расхождений одно место в § 55 грамматики (см. стр. 41—43 русского списка или стр. 25 шведского текста), где обсуждение произносительного различия букв *е* и *ѣ* сопровождается отсылкой к тому, что было сказано по этому поводу выше, в начальных параграфах грамматики: «... мы еще въ само^м пачалѣ а именно при радѣленіи літеръ уже ияснили въ чемъ оная

¹¹ Некоторые места грамматики Грѣнинга вообще невозможно понять адекватным образом, если не обращаться к ее русскому оригиналу. Так, в § 45 (стр. 21) читаем: «... hafwer плачу, uti Secunda Persona Indicativi Modi Perfecti temporis плакаль». Странное для грамматиста, и, казалось бы, ничем не оправданное (применительно к русскому языку) упоминание о втором лице прошедшего времени представляет собой результат порчи текста: в соответствующем месте русского текста (стр. 31) имеем: «плачу имѣеть во второ^м лицѣ наклоненія иясните^{ннаго} времени настоящаго плачешь, въ проиш. вр: плака^{ль}». Иначе говоря, в шведском тексте выпал при переводе кусок фразы русского оригинала («... времени настоящаго плачешь...»).

ра³ность состои^т», — указывает автор грамматики, — «и какое между ими [т. е. литерами *e* и *t*. — *B. U.*] находи^тся схо^жство». И далее подробно пересказывается содержание того, что уже было сформулировано ранее. Однако одно из тех рассуждений, на которые здесь делается ссылка, — а именно, рассуждение о том, что буква *e* есть «гласная, которая и³являе^т простой то³ко члвческой гласъ», хотя и получает в определенных случаях «силу дwoегласного», — о т с у т с т в у е т в имеющемся русском списке грамматики; оно наличествует, между тем, в соответствующем параграфе (§ 8) шведского текста, который в данном случае предстает как более полный. Можно предположить, таким образом, что это рассуждение имело^{сь} и в русском оригинале и что соответствующее различие русского текста и шведского издания объясняется в данном случае исключительно разницей в русских списках, а не последующей редактурой шведского переводчика.

Мы вправе предположить далее, что и другие части грамматики Грёнинга, посвященные морфологии («*Andra Delen. Om Etymologien*», стр. 71—172) и синтаксису («*Tredje Delen. Om Syntaxi*», стр. 173—178), — также представляют собой перевод не дошедшего до нас продолжения данной грамматики. Достаточно показательны в этом смысле уже ссылки на это продолжение, которые имеются как в русском тексте грамматики, так и в соответствующих местах издания Грёнинга. Так, говоря в § 56 о правописании букв *e* и *t*, наш грамматист указывает, что в определенных случаях это зависит не от фонетики (он настаивает вообще на звуковом различении указанных букв), а от морфологии: так, после предлогов *na*, *pri*, *po*, *o* должно писать *t*, даже если слуху слышится *e*: «надобно тогда вмѣсто *e* писа^т дwoегласное *t* что учини^тя всегда бе³ всякого погрѣшенія какъ то во второй части граматіки о^т свойства склоненій и предлого^в ясные видѣ^т можно буде^т» (стр. 50)¹². Но точно такую же ссылку мы находим — естественно — и в соответствующем параграфе грамматики Грёнинга: «*så bör man tå i stället för e skrifa tweljudande bokstafwen t, hwilket sker alltid utan något fel, som uti Grammaticans andra Del af Declinationernes och Præpositionernes egenskap kan tydeligare finnas*» (стр. 28). Аналогичные ссылки на морфологическую часть грамматики можно встретить и в §§ 34, 63, и дважды в § 66 (см. стр. 21, 67, 71, 72 русского текста, отвечающие соответственно стр. 16, 34 и 36 стокгольмского издания). Очевидно, таким образом, что вторая часть грамматики Грёнинга в принципе также должна соответствовать не дошедшему до нас русскому оригиналу. То же с вероятностью может быть предположено и в отношении совсем небольшой третьей части, посвященной синтаксису и занимающей всего 6 страниц. При этом та близость шведского текста к русскому оригиналу, которая обнаруживается в первой части грамматики, позволяет догадываться о такой же близости и других ее частей.

Сформулированные предположения получают дополнительные подтверждения ниже в связи с обсуждением авторства рассматриваемого сочинения. Мы увидим, что как отдельные фразы в первой части грамматики, которые имеются в шведском тексте, но отсутствуют в тексте русском, так и ее вторая и третья части, — находят соответствие в сочинениях предполагаемого автора нашей грамматики, откуда естественно полагать вообще, что соответствующий текст принадлежит именно данному автору, а не М. Грёнингу, выступавшему только в качестве переводчика.

¹² Разрядка в цитатах здесь и далее принадлежит автору статьи.

4. Кто же был автором данной грамматики? Есть все основания считать, что им является Василий Евдокимович Адогуров (или Адагуров, Атагуров, как его иногда именуют).

Отметим сразу же, что если принять это предположение, становится понятной и легко объяснимой близость грамматики Грёнинга к краткой грамматике Адогурова 1731 г.¹³, давно замеченная исследователями¹⁴. В частности, как констатировал Унбегаун, вторая часть грамматики Грёнинга, посвященная морфологии («Om Etymologien», стр. 71—172), не может считаться оригинальной, поскольку она обнаруживает непосредственную зависимость от грамматики Адогурова 1731 г.¹⁵. Еще в большей степени это замечание может быть отнесено к третьей части стокгольмской грамматики («Om Syntaxi», стр. 173—178), которая в большинстве случаев д о с л о в н о соответствует тому же очерку Адогурова (отличаясь главным образом лишь увеличением и в некоторых случаях изменением приводимых примеров). Для иллюстрации этого соответствия достаточно сопоставить начало синтаксического раздела в том и в другом источнике:

Г р а м м а т и к а А д о д у р о - в а 1731 г. (стр. 46)	Г р а м м а т и к а Г р ё н и н г а (стр. 173)
--	--

Die Syntaxis lehret, wie ich eine Rede recht zusammen setzen soll. Zu dem Ende giebt sie gewisse Regeln an die Hand, wornach ich mich richten muß. Es sind aber einige die allen Sprachen gemein...

Syntaxis wisar huru man et tal ordenteligen sammansätta skal, och therföre gifwer then wiða Reglor wid handen, hwilka man noga följa och i akt taga bör. Somlige af dem äro alla Språk enlige...

Оригинальной вообще считалась до сих пор только первая часть грамматики Грёнинга, посвященная орфографии¹⁶, и именно потому, что в кратком очерке Адогурова 1731 г. соответствующий раздел дан предельно сжато (он занимает всего 4 страницы — против 65 страниц грамматики Грёнинга). Мы видим, однако, что как раз эта — наиболее оригинальная, по мнению исследователей, — часть грамматики Грёнинга во всяком случае представляет собой простой перевод грамматики русского автора!

Но если в грамматике Адогурова 1731 г. вопросы орфографии почти не затронуты, то достоверно известно, вообще говоря, что он специально занимался орфографией. Так, в мае 1740 г. в своем рапорте Академии наук Адогуров сообщал: «Продолжаю начатое о^т меня сочинение о приведении

въ и^звѣстныхъ правилъ Россійскаго правописанія, которыя прои^звожу я о^т самаго свойства и^ишего языка и утвержденныхъ на оно^м неспоримыхъ основаній» (Архив АН СССР, разряд I, оп. 70, № 1а, л. 49). Точно так же и Н. И. Новиков указывал в своем «Историческом словаре» (изданном еще при жизни Адогурова)¹⁷, что Адогуров, «будучи адъюнктом Академии

¹³ См.: «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache» в изд. «Deutsch-Lateinisch- und Russisches Lexicon...», СПб., 1731.

¹⁴ См.: И. Д а в ы д о в, Предисловие..., в изд.: «Грамматика русского языка академике М. В. Ломоносова 1755 года. Изд. Вторым отделением имп. Академии наук в воспоминание столетия русской грамматики», СПб., 1855, стр. XVIII; И. Б а л и ц к и й, Материалы для истории славянского языковедения, Киев, 1876, стр. 18; В. О. У н б е г а у н, указ. соч., стр. 114—115; е г о ж е, Einleitung, в изд.: «Drei russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts», München, 1969, стр. XII—XIV.

¹⁵ См. довольно подробное сопоставление обеих грамматик в работе: В. О. У н б е г а у н, Russian grammars..., стр. 115.

¹⁶ Там же, стр. 114; В. У н б е г а у н, Einleitung, стр. XII.

¹⁷ Н. Н о в и к о в, Опыт исторического словаря о российских писателях, СПб., 1772, стр. 2.

наук [Адодуrow был адъюнктом в 1733 — 1741 г. — *Б. У.*], сочинил „Правила российской орфографии“. Соответствующее сочинение с теми или иными коррективами и могло войти в качестве первой части в грамматику русского языка.

Не подлежит сомнению вообще то обстоятельство, что Адодуrow принимал ближайшее участие в разработке и установлении норм русской орфографии (т. е. специальных правил правописания гражданских текстов, в принципе противопоставленной орфографии церковнославянских книг) и, может быть, даже являлся в 30-е годы их основным законодателем.

Предположение об авторстве Адодуrowа подтверждается, наконец, целым рядом разительных текстуальных совпадений рассматриваемого сочинения — о котором мы можем теперь судить как по найденному русскому списку, так и по его шведскому переводу в первой части грамматики Грѣнинга, — с другими сочинениями Адодуrowа. Помимо упоминавшегося уже грамматического очерка Адодуrowа 1731 г., мы располагаем еще двумя его неопубликованными заметками (см.: Архив АН СССР, разряд I, оп. 76, ед. хр. 7; или совершенно идентичный список — там же, разряд V, оп. А-10, ед. хр. 1). Одна из этих заметок, датированная 11 III 1737 г., посвящена употреблению букв ъ и ъ, другая — применению польской орфографической системы при транскрибировании русских текстов (но не латинизации русского алфавита, как это иногда неправильно понимается!). Ниже эти заметки обозначаются соответственно как «Заметка о ъ и ъ» и «Заметка о транскрипции».

Одной из показательных иллюстраций совпадения исследуемой грамматики с адодуrowскими сочинениями может служить, например, рассуждение о функции буквы ъ (см. § 15 грамматики), которое соответствует прежде всего вышеупомянутой специальной записке Адодуrowа на ту же тему от 11 III 1737 г. Ср.:

Г р а м м а т и к а (стр. 8):

Все его [ера.— *Б. У.*] употребленіе состоит то́лько въ сложеніи рѣчей которыя складываются изъ предлога кончающагося на літеру согласную и изъ другаго слова начинающагося о́т літеры гласныя въ такіхъ рѣченіяхъ поставляется ъ после онаго предлога и чрезъ то согласное кончащее предлогъ о́т слѣдующаго гласнаго о́дѣляется, а слѣдовательно и къ произношенію такіхъ сложныхъ словъ подается нѣкоторая способность... на примѣръ слово *подъемаю* которое складывается изъ предлога *подъ* и глагола *емлю* въ срединѣ послѣдней літеры *д*... знакъ... имѣетъ которой показываетъ что... *д* въ произношеніи на́лежитъ до гласн: *о* а не до слѣдующаго гласнаго *е*...

З а м е т к а о ъ и ъ (л. 1):

Она [буква ъ.— *Б. У.*] въ сложныхъ словахъ, которыя состоятъ изъ предлога кончающагося на согласную, и изъ слова начинающагося съ гласной, съ предлогомъ ставится, и такимъ образомъ... различаетъ согласную, которою предлогъ кончится, отъ гласной послѣдующаго слова, слѣдовательно... способствуетъ къ правильному произношенію такихъ сложныхъ словъ, напримеръ: въ словѣ *подъ-емлю*, которое слагается изъ предлога *подъ* и глагола *емлю* ... літера ъ... въ срединѣ поставленная... показываетъ, что літера *д* при произношеніи принадлежитъ къ предыдущей гласной *о* а не къ послѣдующей *е*...

Далее в шведском переводе грамматики следует фраза, отсутствующая в нашем русском списке: «... samt at thetta ordet utsäges *под-емлю*, och intet *по-демлю*» (см. стр. 9 издания Грѣнинга). Эта фраза, между тем, точно соответствует продолжению цитируемой заметки 1737 г.: «и тако читается

подъемлю а не *по-демялю*»; вместе с тем она находит соответствие и в аналогичном месте адодуровского очерка 1731 г.: «*подъемлю wird gelesen podjetliu nicht podetliu*» (стр. 5). Этот случай подтверждает высказанное выше предположение о том, что различия между шведским и русским текстом исследуемой грамматики обусловлены различием списков, а не инициативой переводчика (Грëинга); ниже будут приведены и другие случаи подобного рода.

Аналогичное совпадение нашей грамматики с обоими сейчас процитированными сочинениями Адодурова — с заметкой о ъ и ь и с очерком 1731 г. — наблюдаем и в рассуждении о букве ь (см. § 14). Ср.:

Г р а м м а т и к а (стр. 7):

ь имѣтъ силу половину гласныя літеры і то есть ея гласъ или зво^н въ прои^зношеніи продо^лжае^тся то^лко на половину времени должнаго гласному і и того ради признава^ется она не за сове^рше^нно но токмо за по^лгласную літе^ру, когда она приклады^вае^тся къ которой нибуд^ь изъ согласныхъ літе^р тогда гласныя согласныя въ прои^зношеніи нѣско^лко умяча^ет и притомъ дѣла^етъ различіе и въ само^м знаменованіи словъ такъ слово *братъ* ра^знствуетъ о^т слова *братъ*...

З а м е т к а о ъ и ь (лл. 1—1 об.):

Литера ъ... имѣтъ половинной звонъ гласной і ибо ону выговаривать должно вполвину времени противъ того въ какое гласная і произносится изъ сего слѣдуетъ что литера ъ сама собою... ни какого звону не имѣтъ, но токмо предыдущую согласную впроизношеніи нѣско^лко умяча^етъ, и потому сія литера въ старинныхъ славенскихъ грамматикахъ съ довольнымъ основаніемъ за совершенную гласную не положена..., сверхъ показанной разности въ звонѣ, при согласныхъ отъ сея литеры происходящемъ, дѣла^етъ она такъ же дѣйствительную разность и въ самыхъ словахъ напри^мѣръ *братъ* и *братъ*...

См., наконец, о том же и в очерке Адодурова 1731 г.: здесь говорится, что буква ъ «*wird wie ein halb verschlungenes J ausgesprochen, als *bratъ*ieß *bratj* ...*» (стр. 5).

Совершенно так же указание в § 58 нашей грамматики, что «літерою ы изобража^ется гласъ посредстве^нный между літерам^и у и и», равно как замечание о своеобразии соответствующего русского звука и о той трудности, которую он представляет для иностранцев, несомненно, восходит к сообщению в очерке 1731 г. (стр. 5), где говорится, в частности, что ы произносится как *иу* при одновременной артикуляции (причем имеется в виду польское звучание соответствующих латинских букв). Ср. здесь: «*Ы ist ein Buchstab, welcher der Rußischen Sprache ganz eigen ist. Die Pohden [sic! должно быть: «Pohlen». — Б. У.] exprimiren ihn durch ein у. Eigentlich aber ist seine Pronunciation wie ein Уу, so daß diese Vocale gleichsam zusammen gegossen werden. Beßer läßt sich die Aussprache davon mündlich lehren*». Ср. также в заметке Адодурова о транскрипции указание, что ы произносится «как короткое *и*» (л. 3).

Аналогичным образом в сочинениях Адодурова находит соответствие и указание о произношении букв е и ѣ, которые отождествляются в начале слога, но противопоставляются в позиции после согласного. См. в § 49 исследуемой грамматики: «е употребляется въ приро^нныхъ руски^х рѣченіяхъ какъ въ началѣ тавъ [sic! читай: «такъ». — Б. У.] въ срединѣ и въ концѣ. Когда оно полага^ется въ началѣ или также въ середкѣ [sic!] и въ концѣ слова, но послѣ какого нибуд^ь гласного или доегласного тогда получа^ет

силу писмени доегласного и выговаривае^тся такъ бу^дто бы и^а *ї* и *е* сложено было какъ на примѣ^л въ слова^х *единъ*, *ученіе*, *удиненіе*, а когда *е* полагае^тся въ срединѣ или въ концѣ слова по послѣ^д какой нибу^д согласной літеры тогда выговаривае^тся чисто и совѣ^ршенно такъ какъ простое гласное то есть безъ примѣ^са къ оно^{му} літеры *ї* какъ на прим: въ словѣ *дерево*; *з* употребляе^тся то^лко въ чужестранны^х реченія^х а выговаривае^тся во всѣ^х случаяхъ такъ какъ наше *е* послѣ^д писмени согласнаго положеннаго» (стр. 34—36; ср. стр. 22 шведскаго перевода). Далее в § 55 говорится о букве *ѣ* — «ѣ есть писмя доегласное для того что оно два разныя гласа вмѣ^{ст}ѣ соединяетъ а літ: *е* гланая [sic] должно быть: «гласная». — Б. У.] которая и^зявляетъ простой то^лко члвческой гласъ ... *ѣ* сълі^т: *е* токмо въ таки^х случа^х имѣ^т сходное прои^зношеніе когда *е* находи^тся въ началѣ слова или послѣ^д какого нибудь писмяни гласного и что оно тогда силу доегласнаго получае^т такъ бу^дто бы и оно и^а *ї* и *е* состояло о^т сего разсужденія можемъ мы то уже дово^лно видѣ^т что літ: *ѣ* и *е* ме^ж собою весьма разнствую^т и что никоторой и^а ни^х во всѣ^х случаяхъ вмѣ^{ст}о другой упо^требля^т и слѣ^дова^тельно за и^злишнюю счита^т не мо^жно» (стр. 42; ср. стр. 25 шведскаго перевода). Иначе говоря, различіе данных букв состоит в том, что буква *ѣ* смягчаетъ предшествующій согласный, тогда какъ передъ буквой *е* такого смягченія не происходитъ: читается твердый согласный¹⁸; между тем, в началѣ слога *е* и *ѣ* произносятся одипаково (какъ «двугласные», по выраженію нашего грамматиста, т. е. какъ йотированный гласный звук). Ср. такое же указаніе в адодуровском очерке 1731 г.: «*E* wird von Anfang einer jeden Silbe wie *Je* gelesen, als *edinъ*, ließ *jedin*, sonstn aber am Ende der Silben wie ein schlechtes *E* ausgesprochen, als *естество* wird gelesen *jestestwo*; *вернее*, ließ *werchneje*» (стр. 4); между тем, о букве *ѣ* здѣсь говорится, что она произносится «wie *Je* im Teutschen» (стр. 5). Точно такъ же в замѣткѣ Адодурова о транскрипціи лаконично сообщается, что *е* произносится какъ польское «*ie* вначалѣ а на концѣ слога какъ *e*», между темъ какъ *ѣ* соответствуетъ здѣсь *je* (л. 2 об. — 3); позиция «на концѣ слога», несомненно, соответствуетъ в данномъ случаѣ положенію после согласнаго.

Введеніе буквы (диграфа) *іѳ* для обозначенія звука [o] в позиціи после мягкаго согласнаго или [j] — см. § 97 нашей грамматики¹⁹ — мы находимъ и в адодуровской замѣткѣ о транскрипціи, где эта буква завершаетъ перечень буквъ русскои азбуки. Употребленіе этой буквы было регламентировано орфографическими правилами 1738 г., к составленію которыхъ Адодуровъ имѣлъ, кажется, самое непосредственное отношеніе. Адодуровъ, по всей видимости, можетъ считаться вообще изобретателемъ буквы *іѳ* (ср. изобретеніе Карамзинымъ буквы *ѣ* шестюдесятью годами позже). Очень вероятно при этомъ, что соответствующій принципъ былъ заимствованъ Адодуровымъ изъ польскои орфографіи: достаточно характерно, что данный диграфъ едва ли не впервые появляется именно в запискѣ, рекомендующей «выраженіе русскіихъ литеръ по польскому манѣру». Необходимо подчеркнуть революціонный характеръ и большое принципиальное значеніе даннаго нововведенія, знаменующаго своеобразную легитимацию русскои некнижной фонетики, т. е. признаніе возможности включенія ее в сферу литературнаго (письменнаго) языка.

¹⁸ Ср.: Б. А. Успенскій, указ. соч., стр. 29—35.

¹⁹ О содержаніи даннаго параграфа, однако, можно судить только по шведскому переводу Грѣвнига (см. стр. 54 стокгольмскаго изданія), такъ какъ в русскои оригиналѣ соответствующее место представлено лакуной (иначе говоря, этотъ параграфъ приходится здѣсь на пустыя страницы, которые должны были быть дописаны позднее).

Наконец, весьма знаменательное совпадение рассматриваемого сочинения с адодуровским очерком 1731 г. можно обнаружить в разделе, посвященном сокращенным (подтительным) написаниям (§ 105). Среди традиционных сокращений мы находим одно совсем необычное: «дѣка — девка» (см. стр. 115 русского списка; это сокращение, между прочим, отсутствует в соответствующем месте перевода Грёнинга, см. здесь стр. 60). Точно такая же аббревиационная форма показана и в соответствующем разделе краткой грамматики Адодурова 1731 г. (стр. 7) — при том, что это сокращение не встречается ни в каком другом грамматическом сочетании. Данная форма представляется вообще достаточно характерной: она находится, по-видимому, в определенной генетической связи с специфическими скорописными аббревиационными формами, т. е. сокращениями, употребляемыми исключительно в скорописных текстах²⁰.

Возвращаясь к уже обсуждавшейся проблеме, следует особенно подчеркнуть, что и те немногочисленные места в первой части стокгольмского издания, которые отсутствуют в соответствующем русском тексте (см. о них выше, стр. 90—91) и в принципе могли бы, таким образом, рассматриваться как интерполяции Грёнинга, — в целом ряде случаев обнаруживают совпадения с адодуровскими сочинениями. Выше (стр. 93—94) мы уже отмечали один такой случай (пример с произношением слова *подъѣмлю* в § 15); совершенно так же замечания о буквах *и*, *і*, *ѣ*, *ѡ*, которые имеются в § 8 издания Грёнинга (но отсутствуют в русском списке), находят соответствие в аналогичных указаниях адодуровского очерка 1731 г. (стр. 4—5); предложение включить в азбуку букву *г* для передачи взрывного [g] (§ 5) отсутствует в русском списке грамматики, но зато содержится в том же очерке (стр. 3—4); не вполне обычная по своему составу азбука старой печати, приводимая в § 5 шведского текста, но отсутствующая в нашей рукописи, в точности соответствует, опять-таки, очерку 1731 г. (стр. 3); указание о возможности исключить из азбуки буквы *ѣ* и *ѡ* (§ 5), также отсутствующие в русском списке, находят соответствие в заметке Адодурова о транскрипции (отчасти и в очерке 1731 г.). Подобные примеры подтверждают как предположение об авторстве Адодурова, так и предположение о том, что различия между соответствующими русским и шведским текстами обусловлены, скорее всего, не инициативой Грёнинга.

5. Итак, рассматриваемая грамматика представляет собой простую грамматику Адодурова. С одной стороны, эта грамматика отражает, видимо, дальнейшую работу автора над вопросами языка после выхода в свет его очерка 1731 г. Следует иметь в виду при этом, что уже при издании этой первой своей грамматики Адодуров располагал определенным материалом для более подробного трактата. В заключительном абзаце названного очерка (стр. 48) Адодуров сообщал читателям, что в данном издании изложены только начальные сведения по русскому языку, но что соответствующих правил имеется вообще гораздо больше; по условиям объема их изложение приходится оставить для более обширного сочинения, а до тех пор автор просит читателя довольствоваться этим кратким очерком. Значит, уже и в то время Адодуровым предполагалось напи-

²⁰ В этой связи заслуживают особого внимания ссылки на практику скорописи, которые несколько раз встречаются в нашей грамматике (см., например, § 15, стр. 9, и § 105, стр. 113—114) и в известных случаях могут служить ее автору оправданием того или иного формулируемого им принципа. Показательно, в частности, что предлагая упразднить написание конечного ера, наш грамматист ссылается именно на прецедент подобного написания в скорописных текстах (§ 15). Можно полагать, что противопоставление скорописного и книжного письма, воспринимавшееся в свое время в самой непосредственной связи с противопоставлением книжного и не книжного языка (так же, как и более позднее противопоставление церковной и гражданской азбуки печатных книг), в значительной мере определило вообще характер представлений о русском языке в первых опытах кодификации живой речи.

санне пространной грамматики русского языка и была начата работа в этой области.

С другой стороны, написание данной грамматики могло быть ближайшим образом связано с деятельностью Российского собрания при Академии наук (образовано в 1735 г.), активным членом которого был Адодуров. Одной из основных задач, стоящих перед данным собранием, было именно создание грамматики русского языка. Адодуров тем более способен был выполнить эту задачу, что а) у него был уже довольно большой задел к данной работе в виде очерка 1731 г., а также упомянутых материалов, не вошедших в данный очерк; б) он пользовался признанным авторитетом в области кодификации русской литературной речи²¹; в) он продолжал вплотную заниматься лингвистическими вопросами (об этом свидетельствуют хотя бы цитированные его заметки, а также редакторская работа над переводом немецкой грамматики, выразившаяся, в частности, в разработке русской грамматической терминологии).

По сенатскому указу в июле 1737 г. Адодурову было поручено дважды в неделю обучать при сенате сенатских и коллежских юнкеров «грамматики славянской и латыни читать»²²; можно полагать, однако, что дело шло в действительности об обучении русскому языку, так как в академическом реестре на 1737 г. (от 31 XII 1737 г.) указывается, что Адодуров должен «обретающихся при правительствующем сенате юнкеров обучать по дважды в неделю в чтении и писании российского диалекта»²³. Уже в следующем году Адодуров должен «российскому языку учить» в публичных лекциях, возобновляемых с 1 VI 1738 г. в так называемом академическом университете²⁴, причем, по свидетельству самого Адодурова, он принужден «все, что до того надлежит, сам в новь сочинять»²⁵.

²¹ См., например, отзывы Адодурова на славяно-русский лексикон Егера (1742 г.) или на перевод «Флориновой генеральной экономики» (1734 г.) (см.: Материалы АН, II, стр. 485—486, V, стр. 45—46, ср. также III, стр. 572). Как видно из последнего отзыва, Адодуров рассматривал переводческую деятельность как важное средство в выработке норм русского литературного языка (такой взгляд отвечал, в сущности, и предназначению Российского собрания, см. там же, II, стр. 633). В справке об Адодурове, поданной Академией наук в кабинет императрицы в мае 1740 г., отмечается, что он «к переводам ученых дел и к приведению в большее совершенство русского языка с немалой пользою употреблен быть может» (там же, IV, стр. 408—409). Любопытно, что в 1740 г., в числе «книг, которые академия наук для употребления при гимназии еще 19-го марта 1739-го года изготовить приказала и доныне при гимназии не находятся, наряду с учебниками по логике, истории, риторике, упоминается «Собрание российских писем, господина Адодурова» — по-видимому, какое-то учебное пособие по русской словесности (там же, IV, стр. 482).

Достаточно знаменательно, наконец, и то, что именно Адодурову было поручено в 1744 г. преподавать русский язык невесте наследника престола — будущей императрице Екатерине II. См. воспоминания об этом и, в частности, о внимании Адодурова к произношению в кн.: «Записки императрицы Екатерины Второй», СПб., 1907, стр. 48, 210, 225.

²² Материалы АН, III, стр. 425; ср. еще VI, стр. 451.

²³ Там же, III, стр. 572.

²⁴ Там же, III, стр. 723; при этом назначение Адодурова на эту должность оправдывается тем, что «никто из профессоров в российском языке потребного к наставлению искусства не имеет, см. допосение Синоду от Академии наук 31 V 1738 г. в кн.: М. И. Сухомлинов, История Российской Академии, вып. II, Сб. ОРЯС, т. 14, СПб., 1875, стр. 407—408.

²⁵ «По приказу главного академии командира... фон Корфа, и по рассуждении академии наук, — доносил Адодуров 15 VII 1738 г. — положена на меня сия должность: чтоб по всякой вторник, среду, четверток и субботу публично в академии показывать надлежащие до российского языка правила, а по совершении оных, толковать на том же языке реторнику. К исполнению которого дела принужден я все, что до того надлежит, сам вновь сочинять, и на то употребить тем больше времени, что в сем, как весьма новом деле, по сие время еще никакого предводителя не имею, которому бы в том можно было последовать» (Материалы АН, III, стр. 755).

Эти лекции Адодуров продолжает читать в 1739²⁶ и 1740 гг., причем в справке об Адодурове 1740 г. прямо говорится о создании Адодуровым новой русской грамматики: согласно этому отчету, адъюнкт Адодуров «по силе опубликованной июня 1-го дня 1738-го года росписи академических лекций, по четыре дни в неделю, а именно: по вторникам, по средам, по четверткам и по пятницам, по утру с 8 до 9 часов, в российском языке наставление дает, а сверх того еще новую грамматику, для способнейшего изучения сего языка, делает»²⁷. Нет никаких сомнений, что речь идет здесь именно о нашей грамматике. Работа над ней велась, таким образом, еще в 1740 г.²⁸; значит, обнаруженный русский список представляет один из ранних ее вариантов²⁹. При этом текстологическое сопоставление исследуемой грамматики с заметкой Адодурова о буквах *ъ* и *ь*, показывает, что грамматика была написана позднее указанной заметки, следовательно, после марта 1737 г. Непосредственным стимулом к написанию данной грамматики могли быть публичные лекции при Академии наук 1738—1740 гг. Вместе с тем, первая часть грамматики Адодурова, посвященная вопросам орфографии, могла быть подготовлена им в связи с орфографической реформой 1738 г. (ср. выше)³⁰. Итак, по всей вероятности, грамматика была написана не ранее 1738 г.; если это так, то описанная рукопись, принадлежавшая И. Сердюкову, представляет собой один из самых первых ее списков.

Адодуров, кажется, не вел занятий в академической гимназии до августа 1740 г., когда ему поручается преподавать здесь математику³¹, но И. Сердюкова он мог знать и раньше — хотя бы как земляка (они оба из Новгорода). Очень вероятно, что Сердюков посещал лекции Адодурова в академическом университете (следует иметь в виду, что возобновление публичных лекций при Академии наук в 1738 г. было вызвано как раз тем, что некоторые ученики академической гимназии оказались в состоянии слушать профессорские лекции³², т. е. эти лекции и были предназначены в какой-то степени для гимназистов). Можно предположить, что Адодуров вообще давал грамматику своим слушателям для переписывания; во всяком случае, он мог ее дать своему земляку Ивану Сердюкову. По-видимому, он давал ее переписывать по частям, по мере изложения курса; наконец, он мог просто диктовать свое сочинение слушателям, как это делал, например, несколько позднее Ломоносов. Отсюда могут объясняться пустые страницы с пропущенным текстом в рукописи Сердюкова и, вместе с тем, характер некоторых исправлений, представленных в тексте. Если принять предложенное объяснение, то следует заключить, что Адодуров начал писать данную грамматику в 1738 г. (между тем как подготовительные работы велись им еще в конце 20-х годов), продолжал писать ее в

²⁶ См. Материалы АН, IV, стр. 91 (данные относятся к апрелю 1739 г.).

²⁷ Материалы АН, IV, стр. 408—409 (данные относятся к маю 1740 г., т. е. к тому же времени, что и цитированный выше рапорт Адодурова о работе над правилами орфографии).

²⁸ Между тем, в справке о занятиях Адодурова, поданной Академией наук в июле 1741 г. (см. там же, IV, стр. 710), данная грамматика уже не указывается. По-видимому, к тому времени она была окончена. Вместе с тем осенью 1740 г. прекратились и публичные лекции при Академии наук.

²⁹ Это обстоятельство позволяет объяснить отдельные (отмеченные выше) расхождения данного списка со шведским переводом. В руках М. Грэнинга мог быть более поздний список.

³⁰ Следует иметь в виду, что именно первая часть была, по-видимому, написана заново, так как другие части грамматики представляют собой распространение соответствующих разделов адодуровского очерка 1731 г.

³¹ См.: Материалы АН, IV, стр. 448—449, 452—453; VI, стр. 525.

³² См.: Д. А. Толстой. Академический университет в XVIII столетии по рукописным документам Архива Академии наук, СПб., 1885, стр. 11.

1739 г. (ср. записи с упоминанием разных чисел 1739 г. в нашей рукописи) и в 1740 г. (ср. цитированное выше свидетельство самого Адодурова); окончена она могла быть в 1740 или по крайней мере в первой половине 1741 г.

Наконец, если грамматика Адодурова расходилась в списках среди учеников гимназии, то таким образом она могла попасть и к Грёнингу, который преподавал в академической гимназии с 1743 г. — сначала немецкий, а затем (с 1745 г.) и французский язык³³ (следует заметить, что Адодуров к тому времени уже оставил академическую службу и находился вне Петербурга). Перевод данной грамматики не должен был составить для полиглота Грёнинга никакого затруднения, поскольку он превосходно владел русским языком³⁴. К тому же, он вообще, по-видимому, практиковался в переводе русской лингвистической литературы: так, например, в библиотеке Упсальского университета хранился сделанный им перевод на шведский язык предисловия к трехязычному букварю Ф. Поликарпова (М., 1701)³⁵.

6. Автор настоящей статьи ставил перед собой следующие задачи: обосновать самый факт существования доломоновской грамматики русского языка на родном языке; показать, что грамматика Грёнинга представляет собой не оригинальное сочинение, а перевод этой грамматики на шведский язык; наконец, доказать, что автором данной грамматики был В. Е. Адодуров. В рамках этой статьи невозможно было произвести подробный анализ содержания рассмотренной грамматики и показать ее соотношение с другими грамматическими сочинениями; но уже по приведенным примерам можно судить о характере грамматики Адодурова, а в какой-то степени и о ее оригинальности. Замечательно, что, как и у Ломоносова, научные интересы Адодурова лежали прежде всего в области точных знаний (Адодуров был адъюнктом по кафедре высшей математики; еще в 1728 г. Бернулли отмечал его математические способности). В обоих случаях это способствовало самостоятельному взгляду на языковые факты, отказу от слепого следования славянской грамматической традиции. Вместе с тем и непосредственный контакт с западноевропейскими языками, несомненно, способствовал научному описанию родного языка, в какой-то мере определяя, может быть, и характер нормализаторской деятельности Адодурова³⁶.

³³ См. Материалы АН, VII, стр. 463—464, 570—571, 617, V, стр. 797, VI, стр. 601.

³⁴ О знании Грёнингом русского языка см. отзывы современников (правда, иностранцев) в Материалах АН (VII, стр. 460, 601, 618), а также свидетельство самого Грёнинга (там же, VII, стр. 463—464). При Академии наук Грёнинг числится сначала (в 1740 г.) «толмачом», т. е. устным переводчиком; причем переводит, в частности, и на русский язык (там же, IV, стр. 532, V, стр. 13, VI, стр. 515), а затем, с 1743 г., «переводчиком» (там же, VI, стр. 570—571), причем, опять-таки, ему приходится переводить на русский (там же, VII, стр. 323). В гимназии он, между прочим, «поправляет немецкие и российские переводы учебников» (там же, VII, стр. 680—681) и преподает французский язык по-русски (там же, VII, стр. 618). М. Грёнинг (1714—1778) пробыл в России почти 20 лет: он приехал в Петербург в 1729 г. пятнадцатилетним юношей (см.: Материалы АН, V, стр. 682—683) и получил здесь образование в каком-то воспитательном заведении (см. заметку о нем И. Микколы в «Tietosanakirja», II, Helsinki, 1906, столб. 1614); в 1748 г. он выехал в Стокгольм (Материалы АН, IX, стр. 140, 235—238).

³⁵ См.: А. Ј е п с е н, Die Anfänge der schwedischen Slavistik, AfsIph, XXXIII, 1—2, 1912, стр. 159.

³⁶ В 1743 г. Адодуров вспоминал о своих академических занятиях: «Я при Академии наук учился языкам латинскому, немецкому и французскому и притом имел случай собственные мои недостатки в правильном употреблении природного нашего языка несколько усмотривать и оные в себе по возможности исправить» (см.: П. П. П е к а р с к и й. История имп. Академии наук в Петербурге, I, СПб., 1870, стр. 511).

Есть основания думать, что грамматика Адодурова не осталась незамеченной современниками и отразилась в последующих грамматических сочинениях. Правда, эта грамматика была, по-видимому, неизвестна Ломоносову³⁷. Между тем, ее определенно использовал Тредиаковский в своем «Разговоре об орфографии» 1748 г.; следы знакомства с данной грамматикой (может быть, не непосредственного) можно, кажется, обнаружить и в трудах А. А. Барсова. Рассмотрение этих связей должно составить, однако, предмет специального исследования.

³⁷ Ломоносов встречался с Адодуровым в 1736 г., но отношения их были, вероятно, чисто официальными: Адодурову был поручен надзор за учениками, присланными в Академию из московских духовных школ, в числе которых недолгое время был Ломоносов (см. Материалы АН, III, стр. 169—170); важно отметить, что русский язык этим ученикам в то время не преподавался. Когда в 1738 г. некоторым из них решили преподавать русский язык (см. там же, стр. 678), Ломоносов был за границей. Между тем, когда Ломоносов вернулся, Адодуров уже оставил академическую службу.